

2204

В ИЮЛЬСКИЙ вечер 1978 года в Малом театре шел спектакль «Возвращение на круги своя». В антракте я увидел Мариэтту Сергеевну, сидевшую в первом ряду с краю. Подошел к ней.

— И вы тут? Присядьте и послушайте, что я вам скажу. Сегодня закончила «Человек и Время». Не знаю, что получилось, но точку поставила. — Помолчала и снова: — Спектакль, по-моему, тяжелый. А Ильинский играет превосходно. Кажется мне, он очень похож на Толстого — и голос, и движения, и мимика.

Признаться, я пожалел, что она перешла к своим впечатлениям от спектакля и ничего больше не сказала о новой книге.

... В девятом номере «Нового мира» за тот год вышла седьмая часть «Человека и Времени», в одиннадцатом — восьмая, завершающая. На последней ее странице мелким шрифтом значилось: «90 лет и 4 месяца. Переделкин — Москва». А недавно вышла книга.

Итак, почти девять лет из девяноста Мариэтта Шагинян посвятила воспоминаниям о своей жизни, виденному и пережитому в тяжелые и светлые, но всегда трудовые, творческие годы. Я сказал привычное — «воспоминания о своей жизни», но это неточно. В конце книги она пишет о тирольском поэте Адольфе Пихлере, оставшемся человечеству четверостишие, мудрость которого «можно применить как совет, как указание каждому человеку». Цитируя четверостишие по-немецки, она дает его пересказ: «Молод только тот, кто находится в процессе становления, в процессе роста, кто продолжает развиваться, хотя бы и с седыми волосами. А тот, кто недвижно пребывает (окопался, окаменел, застыл) в своем времени, в узком кругу своего времени, тот пусть себе ложится в гроб». И, комментируя, замечает, что Пихлер имеет в виду два времени: одно, развивающееся из прошлого в будущее, — это Время с большой буквы, и другое — сегодняшние часы и минуты, свое, узкое время, «в котором застаивается, окаменевает человек, как муха в клее».

Мариэтта Шагинян живет и всегда жила во Времени с большой буквы. И книга ее — о жизни человеческого духа, человеческой совести, исканий истины в большой эпохе, в большом мире.

Время, его природа — давний предмет интереса у Мариэтты Шагинян. Сначала было восторженное и робкое прикосновение к теме времени в стихах:

Тебе, кому миры
подвластны,
Ито чередует свет и мглу,
Мой скромный стих,
мой слабодласный,
Споет ли должную хвалу?

Это из «Оды Времени», написанной ею в 1915 году. Потом мысли о Времени возникали в разных произведениях. В 1959 году она пишет статью «Время с большой буквы» — глубокие размышления, навеянные научным трудом астрофизика Н. А. Козырева. В 1970-м публикует философскую работу «О природе Времени у Гегеля» — в ней не только о Гегеле, но и о том, как гегелевские прозрения воспринимал, материалистически прочитывал и развивал Ленин.

И вот — книга воспоминаний. Время, необратимый ход которого направлен из прошлого в будущее, предстает в ней как «великая, ведущая сила жизни». Человек не просто пребывает во Времени, он сам несет его в себе — как частица, как элемент неотделимого от бытия Времени-силы.

Девять лет на воссоздание последнего десятилетия девят-

надцатого века и первых двух десятилетий двадцатого. Остальная жизнь Мариэтты Шагинян после Октября открыта читателю в книгах, статьях, выступлениях.

И тем не менее тридцать лет — это лишь условное ограниченное время воспоминаний об эпохе и своей жизни в ней. Рассказ о том, что было, ведется памятью многих десятилетий. А эта память, накопившая колоссальный опыт в самых различных областях жизни и творчества, в самых различных науках, которые постигала Мариэтта Шагинян, освещает события прошлого с высоты сегодняшнего дня. И нередкие, лучше сказать — постоянные, в решающих пунктах текста осуществляемые «выходы» автора из прошлого к событиям нынешним раздвигают временные рамки книги и превращают ее, по сути, в конкретное духовно-философское повествование об огромном периоде жизни человека-мыслителя, и притом страстно

мною прожитое прошлое. Оно никогда не мешало мне мыслить, писать и говорить то, что я думаю, в чем убеждена. И могу сказать в лицо моим детям и читателям: я не знала за эти творческие, рабочие годы ни лжи, ни фальши, ни соскальзывания с простой и прямой дороги чести. Не могу не сказать этой правды в конце жизненного пути, потому что в этой правде о себе я берегу как дорогую для меня драгоценность историческую правду эпохи.

1 января 1900 года она, одиннадцатилетняя девочка, записала в ученическую тетрадку фразу, услышанную от незнакомого человека: «Правильно жить!» И эти два слова со временем стали ее жизненным лозунгом, оберегавшим от фальши, от соскальзывания с простой и прямой дороги чести; они материализовались в силу, которая помогла ей преодолеть в своем раннем творчестве «хаотические противоречия», освободиться от юно-

однажды слова Мариэтты Шагинян о том, что творческий акт, в котором рождается истинное произведение художника, — «не просто воспроизведение наших жизненных наблюдений и чувств. Он даже и не только одна переплавка их из пережитого в написанное. Он прежде всего и главное — преодоление личного материала жизни в нечто абсолютно надличное, общечеловеческое». Об этом именно преодолении думаешь, «подсчитывая», как ее личные воспоминания о сестре превращаются в художественный портрет, художественный образ, становясь надличными.

Есть, мне кажется, чрезвычайно примечательная особенность этой мемуарной книги. Писательница меньше всего пишет о том, что, как и когда она создавала. Но по той широкой панораме общественной жизни и тем ее «микроклиматам», которые рисует автор, угадываешь, ощущаешь истоки и

В этой книге — вся мудрость одной человеческой жизни.

«ЧЕЛОВЕК и Время» писалась с перерывами.

Мариэтта Шагинян, как всегда, продолжала жить интересами современности. За эти девять лет на страницах наших журналов и газет неоднократно появлялись ее проблемные статьи и очерки. Работу над книгой прерывали и болезни. Но, читая главу за главой, не ощущаешь никаких перебоев, никаких спадов, хотя годы шли... Нет, ни на йоту не убывает тяга к чтению, к продолжению чтения этой книги. И как всегда, нигде не блуждает авторская мысль. Она пробивает себе путь уверенно, зная все повороты своего русла, все его глубины и подводные камни. И мысль развивается, расширяется, как река — от истоков своих по мере течения становится шире и полноводней.

Почему так живы и свежи события многолетней давности? Почему с такой ясностью, четкостью встают перед читателем картины и детали давно ушедших дней и лиц, как живые, появляются из тени прошлого? Талант художника? Да. Но не только. Еще и огромная ответственность перед законами Истории и — как я уже сказал — перед ее конкретностью, совестливая ответственность перед памятью тех, кто встретился ей на пути. И, наконец, перед Читателем, которому она передает на суд исповедь своей жизни.

Дневники писательница ведет с 1915 года. Они, надо думать, многое напомнили ей и во многом помогли. Но этого было мало. Она читала, изучала комплекты газет и журналов тех лет, о которых писала. Читала, чтобы войти в атмосферу времени, услышать голос эпохи. Она поехала в Гейдельберг, где жила еще в 1914 году, готова магистерскую диссертацию о малоизвестном немецком философе-идеалисте Якобе Фрошаммере, но не написала — помешала война. Съездила в Веймар, куда в том же далеком 1914 году она, восторженная и убежденная гёттэанка, совершила паломничество. Отправилась и в Цюрих, памятный тем, что здесь все в том же 1914-м она провела месяц с сестрой Линой, вызволившей ее из баденского концентрационного лагеря. Но особенно тем памятный, что этот город «стал местом зарождения» в ней «будущего нового человека». Она услышала здесь доклад члена думской фракции большевиков, излагавшего совершенно неожиданную тогда, потрясавшую молодую пылкую душу ленинскую точку зрения о необходимости поражения царского правительства в империалистической войне. То был для нее первый урок ленинской диалектики.

И вот в Цюрихе, уже в 1973 году, она днями, с утра и до сумерек, сживала в городской библиотеке. «Пусть смеются надо мной ученые. Но я должна признаться: «живой фермент труда», создающее начало у Карла Маркса в его «Капитале», как ни невероятно это, был последним толчком, заставившим меня наконец в восемьдесят пять лет вернуться к моей покинутой диссертации о Якобе Фрошаммере».

Она скрупулезно собирала материал в Цюрихе, Берлине, Москве, Ленинграде. Собранный материал, не сумела, однако, осилить его — резко ухудшилось зрение. Но к тому времени она завершила другой свой, несравненно более значительный труд — книгу «Человек и Время». Эту диссертацию жизни можно считать защищенной.

«Не знаю, что получилось...» — сказала Мариэтта Сергеевна в тот памятный вечер в Малом театре. Позволю себе ответить: нужная людям, глубокая, правдивая книга об истории человеческого становления, о Человеке и его высокой причастности ко Времени.

Константин СЕРЕБРЯКОВ

ОБРЕТЕНИЕ ИСТИНЫ

Заметки о новом произведении Мариэтты Шагинян

эмоционального, чуткого и к законам истории, и, начиная с самого первого ощущения бытия, к деталям, в которых скрыто пульсирует ощущение времени.

«Тогда, в самом начале пути, я еще не предчувствовала, каким большим путешествием будет моя жизнь». Ее жизненное путешествие было поистине большим. И сложным. Противоречивым. Начиналось оно с домашнего воспитания и учения. Учения, которое не прекращалось никогда. Проходило сквозь эпохи и баррикады 1905 года. Когда схлынула волна первой русской революции, для нее, как и для части тогдашней молодежи, наступил период напряженных духовных исканий. Участие в религиозном кружке новословцев — и уход из него. Увлечение идеей религиозной революции — и разрыв с этой проповедью Зинаиды Гиппиус и Мережковского, как и с голгофским движением во главе с епископом Михаилом Старообрядческим...

Разбитая, опустошенная, она вернулась из Петербурга в Москву и в первый же день сказала сестре: «Линуха, все кончено. Передел мой стена». Лина ответила: «Вот и слава богу, что стена, значит, ты — у поворота, а раз у поворота — все будет по-новому». Поворот к новому, однако, наступил не сразу. Еще одно искушение пережила она — уход в «чистую науку», «чистую культуру». Но пришел наконец осознание социальной правды Времени, обретение рубежей истины. И это было неизбежно — ведь сквозь тяжкие испытания души, сквозь наносные влияния студенческих лет в ней прорывалось, развивалось заложенное еще с детства и юности демократическое начало подлинной культуры. Оно ширилось, оно дало ей прозрение, оно привело ее к Революции. Вот уж когда правомерно сказать: гражданскую позицию, основанную на марксистско-ленинском мировоззрении, этот человек, главный персонаж книги, выстрадал, выносил в себе!

В восьмой, завершающей части своей книги Мариэтта Шагинян подводит как бы нравственный итог пройденному: «Я пишу о себе, о своем самоощущении. Так встает передо

шеской религиозности, порвать с идеализмом.

А какие незабываемые встречи были в этом большом путешествии! Андрей Белый, Сергей Рахманинов, Николай Метнер, Максим Горький... Об этих встречах — вдохновенные страницы книги, написанные с максимальной точностью и открытостью, без малейшего утаивания порой даже нелестных для автора деталей. И переписка с Блоком, с которым она не была знакома лично, — впервые вблизи увидела великого поэта на смертном одре и всю ночь при свете свечи в одиночестве читала псалтырь. Это, может быть, самые сильные по своей искренности страницы книги!

Я назвал знаменитые имена, и, конечно, не все, но в книге много героев. Среди них люди и с малоизвестными именами — те из современников, кто встречался Мариэтте Шагинян на жизненном пути: однокурсники, педагоги, церковники, ученые, библиотекари, рабочие, артисты; коллеги по перу... С кем только ее не сталкивала судьба! Характеры, взгляды, поступки — об их многообразии и об их типичности рассказывается зримо, динамично, страстно. Вместе с автором к одним проникаешь глубоким уважением, порой искренней любовью, другие, как и у автора, вызывают осуждение. Разбросанные по книге портреты людей, органически вписанные в канву повествования, могли бы, однако, жить самостоятельно. Это портреты-размышления, портреты-эссе.

Лишь один человек не может жить вне всей канвы книги, поскольку он почти повсеместно сопровождает ее страницы. Это младшая (всего на полтора года моложе) сестра Мариэтты Сергеевны — Лина. Редкостно одаренная — художник, музыкант, педагог, — она посвятила себя старшей сестре: стала ее советником, верным другом, совестью, наконец. Ее совестью и после ухода из жизни в 1961 году... Строки о ней — волнующее признание в неугасимой любви к сестре, вечная благодарность за самоотверженность в дружбе.

Но не только это. Я вспоминаю уже цитированные мной

принесшей Мариэтте Шагинян первую известность стихотворной книги «Orientalia», и серьезной исследовательской работы «Путешествие в Веймар», и повести «Перемена», романов «Своя судьба», «Приключение дамы из общества», и остро-социального романа-сказки «Месс-менд» и т. д. А уж истоки и общественный фон, на котором исподволь созрела ее главная книга, ее Лениниана, ощутимы повсюду. Жажда знаний, общественной активности, поисков истины, самоанализ и умение учиться на ошибках, ее изо дня в день труд, в котором она видит главное призвание — путь к совершенствованию, но могли не привести ее к Ленину, к ленинскому пониманию истины, к Лениниане.

«И тут я опять хочу — да простит мне мой терпеливый читатель! — свернуть по ассоциации в сторону...» Такую или подобную оговорку в книге встречаешь не раз. Но читатель только благодарен автору за «сворачивания» в сторону от сюжетной магистрали: тут — совет, выношенный работой мысли, опыт, урок, актуальная проблема.

В педагогике, например: о болгарском опыте проблемного обучения как наилучшем способе развивать самостоятельное детское мышление. Или: об умении видеть в человеке всю целостную личность, а не обладателя только одного качества...

В музыке, например: что такое мелодическое целое?

В нравственности, например: никогда не быть требовательной, если любишь...

В политэкономии и философии, например: о том, как в сорок три года она поступила в Планоу академии, чтобы прочитать и понять все три тома «Капитала» Маркса; как потом постигала «тайну прибыли» и что такое труд. В этой же главе — ее размышления о социалистическом планировании.

Так, со страниц книги глядит на вас глубоко увлеченный наукой, творчеством, мыслящий, пылкий ее герой, и вы вместе с ним испытываете каждый раз радость обретения новых знаний, новых открытий.